

Дорог Творца

А. Меньшикова

Анастасия Меньшикова

Дочь Творца

«Автор»

2026

Меньшикова А.

Дочь Творца / А. Меньшикова — «Автор», 2026

Вечность не спасает от боли. Бессмертная и суровый генерал объединяются, чтобы сразиться с тьмой. Для него нет ничего важнее долга, а для неё, главное выполнить свое предназначение. Им предстоит пройти сквозь войны и интриги, чтобы понять: истинная любовь способна победить даже самую смерть.

© Меньшикова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дочь Творца

Часть 1

Пролог

Генерал стоял на краю обрыва, глядя, как рассветные лучи, багряные, словно пролитая кровь, медленно заливают долину. Ветер трепал его волосы и тяжёлый плащ, но он не замечал холода. Перед глазами плыли не сегодняшние поля, а другая картина – та, что преследовала его каждую ночь вот уже столетия.

Это был день, когда он перестал быть просто бессмертным. А Бог Гнева получил силу Владыки.

Тогда долина выглядела иначе: земля была чёрной от пепла, небо – серым от дыма, а воздух дрожал от криков и лязга стали. Армия Тёмного Владыки наступала, сметая всё на своём пути, и войска Виктора, измотанные от бесконечного боя, держались из последних сил. Он помнил тяжесть меча в руке, горечь во рту от гари и то, как дрожали пальцы – не от страха, а от усталости.

– Мы не сможем удерживать его вечно! – крикнул один воин, пытаясь перекрыть грохот битвы, – Нужно отступать! И дожидаться пока «она» вернется и выполнит свое предназначение!

Виктор лишь крепче сжал рукоять меча. Отступать было некуда. За их спинами лежали деревни, полные стариков, женщин и детей. Он знал: если сейчас дрогнет, кровь невинных ляжет на его руки.

И тогда он сделал шаг вперёд – не к победе, а навстречу смерти.

– Я должен попытаться протянуть время!

Он бросился в самую гущу вражеского строя, зная, что это последний бой. Сталь звенела о сталь, воздух наполнился запахом железа, а мир сузился до лезвия меча и горящих глаз врага напротив. Виктор рубил, парировал, падал и снова поднимался, пока силы не начали покидать его.

В какой-то момент он почувствовал, как клинок пронзил его бок, и мир на мгновение померк. Он упал на колени, чувствуя, как жизнь утекает сквозь пальцы, смешиваясь с грязью и кровью. И в тот миг, когда тьма уже готова была поглотить его, раздался голос – не из плоти, а из самой сути мира.

– Ты готов отдать всё ради тех, кто не может защитить себя? – спросил голос, глубокий и древний, словно эхо тысячелетий.

Виктор поднял голову, хотя каждое движение причиняло невыносимую боль. Сквозь пелену перед глазами он увидел фигуру, сотканную из света и тени – бога войны, покровителя павших и вдохновителя живых. Бог уже покидал мир бессмертных, он должен был найти достойного преемника для передачи своих сил.

– Да, – прохрипел Виктор, не думая о цене, – Пусть моя жизнь станет щитом для других. Бог войны склонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

– Тогда возьми мою силу. Но помни: она лишь даёт тебе право стоять между жизнью и смертью, пока долг не будет исполнен.

Свет окутал Виктора, проникая в каждую клетку его тела. Боль исчезла, сменившись ощущением невероятной мощи – словно в его жилах текла не кровь, а сама ярость битвы. Меч

в его руке вспыхнул синим пламенем, а вокруг него поднялся вихрь, отбрасывающий врагов прочь.

Когда дым рассеялся, Виктор уже не был тем измученным генералом, что падал на колени. Он был воплощением войны – её гневом, её решимостью, её неукротимой волей. Его армия, увидев это преображение, воспрянула духом и переломила ход битвы.

Но цена оказалась выше, чем он мог представить. С той поры в его душе поселилась вечная буря – эхо чужих сражений, шёпот павших воинов и тяжесть каждой принятой жертвы. Сила бога войны не делала его непобедимым – она лишь позволяла ему снова и снова вставать, когда другие падали.

Теперь, стоя на краю обрыва и глядя на новый рассвет, Виктор понимал: эта сила – не дар, а долг. И пока враг угрожает его миру, он будет нести её, даже если она сожжёт его изнутри.

Глава 1. Дорога домой

Дождь не просто шёл – он с остервенением вгрызался в асфальт, превращая федеральную трассу в чёрное, дрожащее зеркало. Капли били с такой силой, что казалось, будто небо раздирают на части, швыряя вниз ледяные осколки. Дворники «Тойоты» метались из стороны в сторону, словно загнанные в ловушку звери, но лишь размазывали по стеклу густую серую кашу, делая мир за окном ещё более враждебным. Фары вязли в плотной стене воды, выхватывая из темноты лишь жалкие пару метров ревущего потока, за которым таилась неизвестность.

– Мам... – мой голос дрогнул, сорвавшись на едва слышный шёпот, и я крепче вцепилась ледяными пальцами в кожаный подлокотник заднего сиденья, чувствуя, как холод пробирается под кожу. – Давай поедem помедленнее, чего нам торопиться? Мы же почти дома...

Рядом, в детском кресле, укутанный до самого носа в клетчатый плед, сладко посапывал Тимоша. Мой трёхлетний сынок даже во сне инстинктивно прижимал к себе плюшевого зайца, которого бабушка подарила ему при рождении. Впереди, рядом с мамой, как всегда, щебетала Лада. Пятнадцать лет, ни капли страха, только восторг от того, что наконец-то прошли назначенных врачей в областной больнице, для проверки здоровья.

Мама не обернулась на мои слова. Её спина превратилась в натянутую струну. Плечи окаменели, костяшки пальцев, сжимающие руль, побелели так, что казалось – кожа сейчас лопнет. Я слишком хорошо знала этот её упрямый профиль и взгляд, прикованный к мутной амбразуре лобового стекла. В нём читалась решимость, граничащая с отчаянием: она хотела вырваться из этого водного плена любой ценой, будто сама стихия бросила ей вызов, и мама не собиралась проигрывать. Ливень преследовал нас от самого мегаполиса всю дорогу, словно природа решила смыть грехи уходящего лета вместе с дорожным битумом, обнажая под ним что-то первозданное и дикое.

Внутри меня забушевала старая, знакомая тревога – та самая, что жила во мне с подростковых лет. Трассы после заката пугали меня ещё со школы, и теперь этот страх развернулся во всю мощь, сковывая грудь железными обручами. Паника начинала душить медленно, поднимаясь от желудка к горлу липким комом, который невозможно было проглотить.

В голове зазмеились тени: визг тормозов, звон стекла, глухой удар, от которого содрогнётся весь мир... «Не думай об этом», – приказала я себе, но мысли были похожи на рой ос, жалящих без устали, не давая ни секунды покоя.

Меня с головой накрывала чёрная, иррациональная мнительность. Мой мозг обожал прокручивать сценарии конца света, масштабируя любую вселенскую беду до размеров одной-единственной жизни – моей. Каждый раз перед сном, я лежала с закрытыми глазами и смотрела цветное кино собственного убийства: вот я лечу с обрыва, во чьи-то руки смыкаются у меня на шее. Аварии, пожары, внезапные болезни – моя фантазия не щадила красок.

Я не понимал природу этих мыслей и ненавидела себя за неспособность их остановить. «Может это нормально? – спрашивала я свое отражение, – Может, абсолютно все люди изо дня в день хоронят себя мысленно?»

Панические атаки стерегли меня с раннего детства. Но сквозь животный страх всегда проступала одна и та же безумная надежда. Казалось, что сценарий трагедии – это лишь вступление к подвигу. Что в момент настоящего падения во мне проснется сверхъестественная мощь. Стальная воля, способная удержать планету на плечах. Я была мнительной трусихой, которая в тайне верила, что рождена спасти миры.

Впереди замаячили габаритные огни ползущей фуры. Огромная туша тащилась километров шестьдесят в час, заливая всё вокруг грязной взвесью. Мама коротко глянула в боковое зеркало.

– Проверьте ремень безопасности, – бросила она сквозь зубы. Голос был сухим, твёрдым, будто высеченным из камня, и от этого становилось ещё страшнее.

Я дёрнула ремень Тима, проверяя замок. Мальчик сонно причмокнул губами, даже не подозревая, что мир вокруг него балансирует на грани катастрофы.

И тут мама решила на обгон.

Она резко взяла левее. Капот нашей машины нырнул в соседнюю полосу, где вода стояла чуть ли не по ступицы, поглощая колёса с жадным чавканьем. Поток дождя ударил в стекло сбоку, смешиваясь с градом, который теперь сыпался с неба, словно ледяные пули.

Казалось, само небо ополчилось против нас, вбивая машину обратно в колею невидимыми кулаками, проверяя на прочность каждую деталь, каждый шов.

– Мам, я боюсь! – выдохнула Лада с переднего сиденья, впервые за поездку растеряв свою болтливость. В её голосе звучала не капризная истерика, а настоящий, первобытный страх, который заставил моё сердце сжаться.

Машину повело. Сначала едва заметно, как будто дорога под нами вдруг стала живой и решила поиграть с нами в жестокую игру. Потом корму начало заносить вправо, навстречу темноте, которая казалась не просто отсутствием света, а чем-то осязаемым, плотным, готовым поглотить нас целиком. Громадные колёса грузовика подняли такую волну брызг, что мы оказались слепы, отрезаны от мира стеной воды, которая хлестала по крыше, отбрасывая «Тойоту» назад, прямо под стальные колёса прицепа. Невидимая гигантская ладонь толкала нас в смерть, и сопротивляться ей было почти невозможно.

Страх сковал диафрагму, превратив лёгкие в бесполезные мешки, которые отказывались впускать воздух. Я не могла вдохнуть. Сердце молотило о рёбра так гулко, что его стук перекрывал вой мотора, сливаясь с рёвом стихии в единую какофонию ужаса. Дети молчали. Даже сынок перестал сопеть, сжавшись в тугий испуганный комок, словно сквозь сон ощутив напряжение, которое витало в воздухе, пропитав каждый сантиметр салона.

И тогда горло разорвало криком, который родился где-то в глубине груди, прорвавшись наружу с первобытной силой:

– Мама! Газ! Гони вперёд, умоляю! Только газ!

Мир сузился до приборной панели, до дрожащих стрелок и тусклого свечения цифр. Впереди, из пелены ливня, полыхнуло мертвенно-белым светом встречная фура, которая неслась прямо на нас, занимая собой весь мир, превращаясь в неотвратимую судьбу. По зеркалам мчалась слепящая полоса смерти, отражаясь в каждой капле воды, в каждом осколке реальности. Нас швыряло из стороны в сторону, пластик салона трещал, вибрируя в такт агонии машины, которая, казалось, была готова развалиться на части, не выдержав напора стихии и человеческой ошибки.

Мы с сестрой зажмурились, будто это могло защитить нас от неизбежного. Мама вдавила педаль газа до упора. Двигатель взревел раненой кошкой, захлёбываясь водой, но вытягивая нас из-под железной махины, будто сам автомобиль вдруг обрёл волю к жизни.

Вперёд! Резкий манёвр вправо!

Казалось, время загустело, как смола, замедляя каждое движение, растягивая секунды в вечность. Исчез шум, исчез дождь. Осталась только узкая полоска мокрого асфальта между двумя ревущими монстрами, которые неслись навстречу друг другу, словно два разъярённых зверя.

В этот момент, где-то внутри меня и одновременно повсюду раздался угрожающий голос: – *Ты должна сгинуть!*

«Что я только что слышала и от кого, может показалось? Ничего не понимаю». Открыв глаза, я увидела, что мы проскочили. Втиснулись в щель, которая была сантиметрами шире нашего корпуса.

Сзади раздался звук, от которого кровь застыла в жилах. Не просто визг шин – это был леденящий душу скрежет рвущегося металла, пронзительный и безжалостный. Шипение пневматики слилось с этим звуком в единый вопль боли. Обе фуры, пытаясь затормозить на аквапланировании¹, сошлись бортами, выбив сноп искр, которые на мгновение озарили ночь прозрачным светом, высветив на долю секунды весь ужас происходящего.

Выдох застрял в горле, превратившись в горький комок. Я дёрнула ручку двери раньше, чем машина полностью остановилась, будто сама земля под нами стала опасной, готовой поглотить нас в любую секунду. На улице пахло озоном, жжёной резиной и едким дизелем – запахом катастрофы, который въедался в одежду, в кожу, в память. Ноги подкосились, едва коснувшись асфальта, который казался чужим и враждебным.

– Так! – голос прорезался внезапно, став жёстким и взрослым, будто во мне проснулась та часть, которая могла взять ответственность на себя. – Лада, быстро пересаживайся назад к Тиму. Обними его, чтобы ему спокойней спалось. И не выходи из машины, всё будет хорошо!

Я подбежала к водительской двери. Мама пыталась отстегнуться, но пальцы её не слушались – их свело судорогой, превратив в бесполезные крючья. Лицо было цвета мела, губы тряслись, выдавая то, что она пыталась скрыть за маской спокойствия.

– Мам, ты как? – я расстегнула её ремень сама и схватила за холодные руки, чувствуя, как дрожь передаётся от неё ко мне. – Посмотри на меня.

Она попыталась улыбнуться. Вышла жалкая, кривая гримаса.

– Да всё нормально, доча... Просто испугалась. Руки вот...

Но глаза говорили другое. Зрачки были расширены до предела, дыхание поверхностное и рваное. Я знала этот взгляд – так выглядит человек, у которого сердце готово вырваться из груди.

– Как вы, дети? – спросила она, покосившись назад. Этот вопрос был для неё важнее собственного состояния.

Лада ответила кивком, успокаивая, что всё хорошо, хотя в её глазах читался немой вопрос: «А мы действительно в порядке?»

Помогая ей выбраться наружу, я почувствовала, как стремительно холодает воздух, будто сама ночь решила напомнить о своей власти. От места аварии к нам уже бежали водители-дальнобойщики – крепкие мужики в промасленных жилетах, чьи лица были искажены смесью злости и тревоги.

– Живы?! Целые?! – один из них подхватил маму за локоть, заглядывая в салон.

¹ Аквапланирование — ситуация, когда между шиной автомобиля и дорожным покрытием образуется тонкая водяная плёнка. В результате колесо теряет сцепление с асфальтом и начинает скользить по поверхности воды, а машина становится практически неуправляемой.

Второй орал что-то неразборчивое в рацию, размахивая руками. Шум дождя снова поглотил слова, превратив их в низкий утробный гул.

– Целые, невредимые, – сказала мама, глядя на дымящийся металл. – А вы как? Сильный удар?

– Не волнуйтесь, так только с виду кажется. Обошлось! Но товар немножко попортили, – ответил один из водителей, пытаясь сгладить углы, хотя в его голосе слышалась усталость человека, который слишком часто сталкивался с подобными ситуациями.

Второй водитель кивнул, тяжело дыша, его грудь вздымалась, словно он только что пробежал марафон.

– Ну что ж, ждём гаишников, оформим всё как положено. Перекрыли ведь полдороги к чертям...

Люди начали останавливаться на обочине, превращая трассу в хаотичный лагерь. Вспышки телефонов освещали ночь, снимая катастрофу для соцсетей, будто хотели запечатлеть момент, когда жизнь висела на волоске. Кто-то совал маме в руки бутылку с водой, словно вода могла смыть тот ужас, который въелся в каждую клетку нашего тела. Машины пролетали мимо, истошно сигналив, а пассажиры прилипали к запотевшим стёклам, глядя на нас с животным ужасом, будто мы были героями фильма-катастрофы, а не обычными людьми, которым просто не повезло оказаться не в том месте и не в то время.

Я стояла посреди трассы, чувствуя, как промокают насквозь кроссовки, а холод пробирается к костям, сковывая движения. Адреналиновый шторм начал отступать, оставляя после себя звенящую пустоту и свинцовую усталость, которая давила на плечи, заставляя сгибаться под её тяжестью. Я посмотрела на машину. Сын сладко сопел носом, откинув голову на грудь сестры. Он ничего не знал, и в этом была единственная капля света в кромешной тьме.

«Господи, спасибо, что мы живы», – подумала я, осеняя себя крестом замёрзшей рукой, чувствуя, как пальцы немеют от холода и напряжения.

И вдруг мир накренился, будто земля под ногами решила напомнить, что она не всегда надёжна. Полотно дороги пошло волнами, искажая реальность. Перед глазами поплыло: чёрные точки сменились красным туманом, который застилал зрение, превращая мир в абстрактную картину боли. Пульс, секунду назад бившийся пойманной птицей, теперь превратился в тяжёлый набат в висках, отдаваясь в каждой клетке тела. Ноги стали ватными, чужими, будто принадлежали кому-то другому, кто не знал, как ими управлять.

– Мам... – успела прохрипеть я, прежде чем тьма окончательно сомкнулась надо мной, и тело рухнуло на холодный, блестящий от мазута асфальт, который принял меня без жалости, как и всё в эту бесконечную ночь.

Мокрый асфальт больно ударил в спину, выбив остатки воздуха. Холод мгновенно пробрал до костей. Звук отрезало, остался только низкий, давящий гул в ушах. Время сломалось.

Ко мне бросились тени. Размытые пятна лиц. Мама упала на колени прямо в лужу, разрывая тонкую ткань брюк. Она крепко, до синяков, вцепилась в мои плечи, её голос долетал будто со дна колодца:

– Доча! Очнись... Анна, дыши! Девочка моя, пожалуйста!

Слёзы текли по её лицу, смешиваясь с дождём и делая черты нереальными.

Сквозь вой сирен проступил запах нашатыря и резины. Подкатила скорая – обычная городская «Газель», непонятно как оказавшаяся здесь так быстро. Врачи действовали чётко, без суеты. Один отгеснил маму, второй с носилками приближался ко мне. Меня переложили на жёсткие носилки, затолкнули в тёплое нутро машины. Прижав к моей груди электроды дефибрилятора,² спокойный, твёрдый голос констатировал:

² Электроды дефибрилятора – это компоненты реанимационного оборудования, которые подают электрический разряд на тело пациента для восстановления нормального сердечного ритма при опасных аритмиях, таких как фибрилляция желудочков

– Асистолия. Разряд. Ещё разряд.³

Моя семья направилась следом: мама, придерживающая руку на груди, села в машину; бледная сестра обнимала Тима и сквозь плач спрашивала, что со мной.

Дорога до больницы тянулась вечность. Когда скрипнули тормоза у приёмного покоя, у ворот уже собралась толпа. Родня приехала вся: отец, бабушки и дедушки, дядя и тётя, двоюродная сестра. Они стояли под козырьком, потому что дождь превратился в настоящий водопад. Все молчали, ожидая одного слова. Из скорой выпрыгнул фельдшер, стирая рукавом воду с лица. Его взгляд был пустым, профессионально-сочувствующим – таким смотрят на родственников, которым пора сообщить печальную и ужасную новость.

– Нам очень жаль... Мы сделали всё возможное. Ставили адреналин, пытались запустить сердце прямым массажем... Но клиническая смерть наступила около двадцати минут назад. Её сердце перестало биться.

У всех перехватило дыхание одним общим спазмом. Воздух стал густым, непригодным для жизни. Бабушка тихо ахнула и начала оседать на мокрый асфальт – её успел подхватить дед. Мама не плакала. Она вообще не издавала звуков. Она просто смотрела на дверцу машины, царапая ногтями металл, и повторяла одними губами:

– Нет... Попробуйте ещё. Везите в операционную. Делайте хоть что-нибудь!

Старшая двоюродная сестра, подошла к маме сзади. Она тоже работала на скорой и знала цену словам фельдшера. Молча взяла маму за ледяные руки, переплетя пальцы. Этот жест сказал больше любых слов. По взгляду коллеги она поняла всё.

– Сколько точно минут назад?

– Двадцать семь, – тихо ответил врач.

Дождь лил стеной, барабанил по крышам машин скорой помощи. У всей семьи ушла земля из-под ног. Боль, неверие, первобытный ужас сковали их сердца льдом. Никто не осознавал случившегося, разум отказывался принимать финал.

— За что?.. Как же мы теперь, бедный её сын?, – шептали голоса в толпе родни.

Врачи начали раздавать успокоительное, кого-то увели внутрь. Моё тело тем временем равнодушно повезли в морг – писать протокол осмотра.

Глава 2. Бессмертный

Зал треснул пополам вспышкой сухой молнии. Величественные своды купались в багровом полумраке, и воздух здесь был густ, как смола: пах серой, раскалённым гранитом и чем-то ещё древним, выжженным, словно сама вечность сгорала где-то поблизости.

У стрельчатого окна, распахнутого в вечную бурю, метался молодой мужчина и всё в нём кричало о противоестественности этой молодости.

Каин – бессмертный Бог Гнева. Восемьсот лет прожитых в ярости, а выглядит на суровые тридцать.

Высокий, атлетичный, будто высеченный из чёрного камня, темноволосый, с тяжёлым, прожигающим взглядом.

Его лицо – прекрасное и жестокое одновременно - искажало ярость. Глаза – бездонный обсидиан. В моменты гнева в них вспыхивает тусклое багровое пламя, а воздух вокруг начинает дрожать, словно мир на секунду терял равновесие.

В каждом его движении сквозила хищная грация, будто зверь примерял человеческую кожу и находил её тесной. Плотные сжатые губы, старые шрамы на теле, похожие на застывшее вулканическое стекло...

или желудочковая тахикардия.

³ Асистолия – это полное прекращение электрической и механической активности сердца.

Он был создан не для покоя, а для разрушения.

Голос его – низкий бархатный рокот. В гневе переходил в инфразвуковое рычание, от которого вибрировали камни.

На нём потёртый чёрный плащ, рубаха и штаны из плотной ткани, доспехи с изображением львов и меч на поясе под стать хозяину.

– Как?! Что я опять делаю не так?! – его голос сорвался на рык, прокатившись по камню подобно грому. Он ударил кулаком по мраморной колонне – брызнула каменная крошка, колонна затрещала, но кожа на костяшках осталась девственно целой, не знающей ни боли, ни шрамов.

Замерев, тяжело дыша, взгляд его упёрся вниз, в тёмную бездну собственных мыслей.

– Почему? Почему её интуиция работает лучше моих сил? – процедил он сквозь зубы, поворачиваясь к сгорбленной фигуре в углу, – Словно она знает каждый мой шаг наперёд! Неужели она что-то вспомнила? Прошло столько веков, она должна была сгнить в своей человечности!

Его помощник – худощавый, низкого роста, бледный, одетый в серый балахон, который делал его почти незаметным в полумраке – вздрогнул всем телом и втянул голову в плечи. Он боялся даже дышать, пока господин гневается: каждый вдох казался ему риском, способным вызвать новую бурю.

Бог Гнева резко развернулся. Его глаза, вопреки ожиданиям, оказались не чёрными, а ослепительно синими – будто в них застыли осколки чужого, холодного неба. Эти глаза впились в слугу, прожигая насквозь.

– Ты чего молчишь, слизняк?! Какие-нибудь идеи есть?! Кроме твоего вечного тремора?!

Помощник рухнул на колени, глухо стукнув лбом о плиты пола, и замер, сливаясь с тенью.

– Мой господин... У нас нет права на её уничтожение. Кодекс Первотворения запрещает трогать нити судьбы. Её аура была запечатана веками, никто не мог найти след. То, что вы обнаружили её первой это уже огромная удача...

– Мне не нужна удача, мне нужна её сила! – взревел Каин, – Ну и как мне её уничтожить, если правила связывают мне руки?!

– Это вина вашего отца, – пролепетал помощник, не поднимая глаз, – Только у Создателя такие полномочия - влиять на нити судьбы. Но он скрылся... Вы ранили его в Междумирье. И пока он слаб, у нас есть шанс найти его. Забрать последние крупницы силы. Тогда закон падёт, и вы станете единственным Всевышним. И покараете мир людей за их ничтожность.

Всевышний задумчиво провёл пальцем по лезвию меча, возникшего из воздуха, будто сотканного из самой тьмы. Лезвие задымилось, истончаясь под его прикосновением, словно даже сталь не могла вынести его сущности.

– Находишь ты подходящие слова, когда хочешь жить... – протянул Каин, и в его голосе скользнула холодная усмешка. – Но сначала я должен сделать всё, чтобы она не вспомнила, кто такая. Я обязан помешать пророчеству. Но если она снова окажется здесь, это облегчит мою ситуацию. В нашем мире я смогу её убить!

Он подошёл вплотную, нависая над замершим помощником, и тень Бога накрыла слугу с головой, поглощая даже слабый свет, пробивавшийся сквозь багровый полумрак.

– Она ведь первая дочь. Моя старшая сестра. В ней изначальной мощи больше, чем вмещает моё тело. Но сколько она прожила среди червей... Пока она теряла свой дар, расплескивая на человеческую любовь, я копил силу столетиями, – На его губах мелькнула змеиная, зловещая усмешка, – Сама виновата, что прыгнула в эту бездну добровольно, сгниёт вместе со своими людишками.

Помощник содрогнулся всем телом и прижался лбом к ледяному полу, шепча испуганно, будто эти слова могли защитить его от гнева:

– Вы правы, мой господин. Безусловно правы, мой повелитель.

Глава 3. Между мирами

Моя сущность оказалась там, где заканчивается гравитация – на самой кромке мироздания, где законы материи теряют власть. Я открыла глаза в бесконечной вселенной абсолютного света и звенящей тишины, такой густой, что она казалась почти осязаемой.

У меня не было тела – я была чистой мыслью, невесомым отголоском сознания, парящим в молочной пустоте. Ни верха, ни низа, ни сторон света – только бескрайнее ничто, укутанное мягким, обволакивающим теплом. Это был покой, которого я никогда не знала при жизни: не тот, что приходит после долгого дня, а первозданный, вечный, словно сама вселенная шептала: «Ты дома».

И вдруг пространство разрезал Голос. Он не звучал в ушах, он рождался внутри моего сознания, вибрируя каждой клеткой моей исчезнувшей души. Низкий, глубокий, пропитанный веками мудрости и невыносимой усталостью.

– Дочь моя. Здравствуй! – прогремел он, и каждое слово отдавалось во мне эхом, пронзая пустоту насквозь, – Всё, что я могу сейчас, это разорвать барьер и донести слова... Я потерял слишком много сил. Ты должна знать: твоё предназначение – спасти оба мира. Вспомни, кто ты есть на самом деле...

Голос становился громче, раскатываясь по безмолвной вселенной, отражаясь от невидимых границ и возвращаясь ко мне с новой силой:

– Я потрачу свою последнюю энергию на восстановление твоей памяти. А если вернётся память – вернётся и сила. Помни: только ты можешь остановить конец времён!

Меня охватил животный, первобытный ужас – холодный, липкий, проникающий в самую суть моего нового, бестелесного «я».

«Я схожу с ума? Я погибла, и это галлюцинация угасающего разума?»

Но Голос продолжал греметь, не давая ни секунды на сомнения: «Помни...»

Свет вокруг начал меняться, не просто мерцать, а ускоряться, пульсировать, закручиваясь в ослепительную спираль. Молочная пустота превратилась в вихрь чистого сияния, и меня потянуло вниз, прочь из этой обманчиво спокойной белизны, с чудовищной, головокружительной скоростью. Пространство стонало от напряжения, разрываясь на части, а я чувствовала, как сама ткань мироздания цепляется за меня, не желая отпустить.

Последним осознанным усилием воли я закрыла глаза, пытаюсь удержать хоть крупицу того покоя, что успела почувствовать.

Холод. Запах формалина⁴ и хлорки. Металлический лязг инструментов.

Тело содрогнулось. Словно электрический импульс прошёл сквозь грудную клетку тысячей игл, заставляя мёртвые мышцы сократиться в жуткой конвульсии. Ребра выгнулись дугой. Из лёгких с влажным хрипом вышел воздух, уступая место первому судорожному вдоху. Кровь хлынула по артериям, возвращая коже розовый оттенок. Царапины на лице и руках вспыхнули огнём и затянулись, не оставив даже шрамов.

⁴ Формалин – он представляет собой бесцветную прозрачную жидкость с резким, характерным запахом. В гистологии и патологоанатомических лабораториях формалин применяют для сохранения структуры тканей и клеток перед исследованиями.

Я села на металлическом столе. Человек в белом халате, направлявшийся ко мне со скальпелем в руке, замер. Инструмент выскользнул из ослабевших пальцев, грянув о кафель. Мужчина замер и рухнул в глубокий обморок, стукнувшись затылком о каталку.

Глядя на его неподвижное тело, я почувствовала, как лавина воспоминаний обрушивается на мозг. Стены пошли рябью, открывая вид на другие эпохи. Перед глазами пронеслись века перерождений: сто лет назад душа правила империей в теле мужчины-полководца, ещё сто – охраняла леса в теле белого волка, ещё раньше – лечила чуму в теле юной знахарки. Я веками жила среди людей, намеренно дробя своё сознание, теряя память, чтобы спрятаться.

И вот главное воспоминание вспыхнуло сверхновой: от кого именно я бежала, принимая человеческий облик?

Я – Старшая Дочь Творца.

Моя сила вернулась разом, затопив каждую клетку жидким золотом. Я плавно спустилась с холодного стола. Обрывки простыни сами собой обвили фигуру, сплетаясь в тяжёлую ткань цвета грозовой ночи. Волосы удлинлись, став серебряными. Изменилась сама суть пространства вокруг меня – оно прогибалось под весом моего присутствия.

– Время пришло...пора вернуться!

Направившись к стальной двери, я чувствовала, как бетонные стены старой городской больницы начинают покрываться грозowymi узорами.

У главного входа стояла толпа. Отец курил одну сигарету за другой, ломая спички. Бабушки держали друг друга под руки, беззвучно шевеля губами – читали молитвы. Дядя мрачно смотрел на дорогу. Лада кусала губы до крови, глядя на дверь, а старшая сестра держала Тима на руках, прижимая к себе. Уставший плакать, он просто тихо поскуливал, зовя маму дрожащим, сорванным голосом:

– Ма-ма-а-а... ну где же моя мамочка?

Стеклянные двери разъехались бесшумно. Я вышла на крыльцо, от моей фигуры исходил мягкий, но невыносимый для человеческих глаз свет. Он не бил лучом – он просто окутывал меня, заставляя темноту сырой июльской ночи расступаться.

Все разом обернулись. Подняли головы вверх. И замерли. Кто-то вскрикнул, кто-то начал оседать.

Я сделала шаг вперёд. Светящиеся серебром глаза скользнули по лицам родных.

Кто-то из толпы мужчин просипел, заикаясь:

– Живая... Господи, да как же... Или призрак?

Мама подходила ближе, неспеша и не осознавая реальность:

– Анна? – её голос сорвался на писк. – Доченька?! Это ведь ты?!

Старшая сестра замерла. Её взгляд выражал священный трепет учёного, увидевшего чудо.

Я мягко улыбнулась. Сделала плавный пасс рукой и слегка приподнялась над мокрыми ступенями, ровно настолько, чтобы меня все видели, но не пугались. Мой голос прозвучал не громче шёпота, но услышал его каждый. Он прокатился над площадью низким рокотом летнего грома:

– Родные мои. Это я, всё хорошо. Сейчас могу сказать вам только одно: берегите моего сына. Его дар спит глубоко, но враги могут учуять кровь Творца. Я поставила печать на его ауру. Попытайтесь сохранить спокойствие и бдительность.

Я опустила на землю. Страх матери обжёг меня сильнее любого огня. Ей не нужны спасители вселенных, ей нужна дочь, которая варит утром кофе для всей семьи, даже если проснулась недовольной.

Поэтому я добавила тише, только для неё:

– Я вернусь к вам, как только выполню свое предназначение.

Толпа ахнула. Для них происходящее было страшнее любого фильма ужасов. Они привыкли видеть иное по телевизору, надеяться на райские кущи, но столкнуться лицом к лицу с ангелом или демоном в облике их родного человека оказалось выше их психики. Они боялись меня до дрожи в коленях и одновременно хотели коснуться, чтобы убедиться, что я настоящая.

Подойдя к Тиму, я нежно коснулась его тёплой, влажной от слёз щеки губами.

– Родной мой, солнышко моё. Мама здесь. Я люблю тебя. Скоро вернусь, обещаю!

Одарив всех последним тёплым, прощальным взглядом со слезами на глазах и болью в груди, я оттолкнулась от земли. Ветер ударил в стороны, взметнув полы одежды.

Я взмыла вертикально вверх, пробивая низкие дождевые облака. Наверху давление стало невыносимым, кости едва не хрустели от перепада высот. Я возносилась всё выше и выше, оставляя позади Землю, планеты, солнце. Даже звезды казались крошечными искрами в безбрежной тьме.

Дыхание Вселенной обнимало меня прохладой вечности. И вот она пелена: тонкая завеса между мирами, сотканная из света и тени, от которой исходило мерцание. Нависнув над бескрайней бездной, я смотрела вниз.

Миры вращались вокруг своей оси, созвездия сплетали узоры, а галактики сияли подобно драгоценными камням на бархате ночи.

Красота того зрелища была невыносимой для смертного взора, но мне выпал шанс насладиться этим с такой жадой, словно иссохшая земля пила дождь.

– Как прекрасно... как красиво, – прошептала я, чувствуя, как внутри иссекает последняя крупинка силы, а значит пора вернуться туда, откуда так давно сбежала.

Глава 4. Возвращение

Собрав волю в кулак, из последних сил, я рванула сквозь пелену пронзая слои реальности. Вокруг закружились водовороты, яркие, словно осколки радуги, сплетённые в безумный танец света. Они переливались, пульсировали, дышали жизнью – и от этого кружилась голова. Я замерла, вглядываясь в эту дикую, первозданную красоту, и в груди шевельнулся страх, смешанный с тоской. Мысль скользнула, острая и горькая:

«Дом... или уже только прошлое?»

Проход между мирами швырнул меня безжалостно, как бурный поток выбрасывает на берег сломанную лодку. Вот оно – царство бессмертных. Здесь зарождалась сама жизнь, и само пространство пело от энергии.

Я огляделась, и сердце сжалось. Краски блекли, словно кто-то смывал их дождём из пепла. Звёзды тускнели, теряя свой гордый блеск, а целые участки пространства зияли прорехами – будто по ним прошлись гигантским ножом, оставив после себя лишь руины. В воздухе витал запах гари и тишины – той самой, что бывает после бури, когда всё уже кончено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.